

Александр Герцен

Былое и думы

Часть 1. 1812-1838

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г41

Г41 **Герцен А.И.**
Былое и думы: Часть 1. 1812-1838 / Александр Герцен – М.: Книга по Требо-
ванию, 2021. – 430 с.

ISBN 978-5-518-08996-9

ISBN 978-5-518-08996-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Многіе изъ друзей совѣтывали мнѣ начать полное изданіе *Былою и Думъ*, и въ этомъ затрудненія нѣтъ, по крайней мѣрѣ относительно двухъ первыхъ частей. Но они говорятъ, что отрывки, помѣщенные въ *Полярной Звѣздѣ* рапсодичны, не имѣютъ единства, прерываются случайно, забѣгаютъ иногда, иногда отстаютъ. Я чувствую, что это правда—но поправить не могу. Сдѣлать дополненія, привести главы въ хронологическій порядокъ—дѣло не трудное; но все переплавить, d'un jet, я не берусь.

Былое и Думы не были писаны подъ рядъ; между иными главами лежатъ цѣлые годы. Оттого на всемъ остался оттѣнокъ своего времени и разныхъ настроеній—мнѣ бы не хотѣлось стереть его.

Это не столько *записки*, сколько *исповѣдь*, около которой, по поводу которой, собрались тамъ-сямъ схваченныя воспоминанія изъ *Былою*, тамъ-сямъ остановленныя мысли изъ *Думъ*. Впрочемъ, въ совокупности этихъ пристроекъ, надстроекъ, флигелей *единство есть*, по крайней мѣрѣ мнѣ такъ кажется.

Записки эти не первый опыт. Мнѣ было лѣтъ двадцать пять, когда я начиналъ писать что-то въ родѣ воспоминаній. Случилось это такъ: переведенный изъ Вятки во Владиміръ—я ужасно скучалъ. Остановка передъ Москвой дразнила меня, оскорбляла; я былъ въ положеніи человѣка, сидящаго на послѣдней станціи безъ лошадей!

Въ сущности, это былъ чуть-ли не самый “чистый, самый, серьёзный періодъ оканчивавшейся юности.”* И скучалъ-то я тогда свѣтло и счастливо, какъ дѣти скучаютъ наканунѣ праздника или дня рожденія. Всякій день приходили письма, писанныя мелкимъ шрифтомъ; я былъ гордъ и счастливъ ими, я ими росъ. Тѣмъ не менѣе разлука мучила, и я не зналъ за что приняться, чтобъ поскорѣе протолкнуть эту *вѣчность*—какихъ нибудь *четыре*хъ мѣсяцевъ..... Я послушался даннаго мнѣ совѣта и сталъ на досугъ записывать мои воспоминанія о Крутицахъ, о Вяткѣ. Три тетрадки были написаны..... потомъ прошедшее потонуло въ свѣтѣ настоящаго.

Въ 1840, Бѣлинскій прочелъ ихъ, онѣ ему понравились, и онъ напечаталъ двѣ тетрадки въ *Отечественныхъ Запискахъ* (первую и третью), остальная и теперь должна валяться гдѣ нибудь въ нашемъ московскомъ домѣ, если не пошла на подтопки.

Прошло *пятнадцать лѣтъ*, † “я жилъ въ одномъ

* См. “Тюрьма и Ссылка.”

† Введеніе къ “Тюрьмѣ и Ссылкѣ”, писанное въ Маѣ 1854 года.

изъ лондонскихъ захолустій, близь Примрозъ Гили, отдѣленный отъ всего міра далью, туманомъ и своей волей.

“Въ Лондонѣ не было ни одного близкаго мнѣ человѣка. Были люди, которыхъ я уважалъ, которые уважали меня, но близкаго никого. Всѣ, подходившіе, отходившіе, встрѣчавшіеся, занимались одними общими интересами, дѣлами всего человѣчества, по крайней мѣрѣ дѣлами цѣлаго народа; знакомства ихъ были, такъ сказать, безличныя. Мѣсяцы проходили, и ни одного слова о томъ, о чемъ хотѣлось поговорить.

...“А между тѣмъ, я тогда едва начиналъ приходить въ себя, оправляться послѣ ряда страшныхъ событій, несчастій, ошибокъ. Исторія послѣднихъ годовъ моей жизни представлялась мнѣ яснѣе и яснѣе, и я съ ужасомъ видѣлъ, что ни одинъ человѣкъ, кромѣ меня, не знаетъ ее и что съ моей смертью умретъ истина.

“Я рѣшился писать; но одно воспоминаніе вызывало сотни другихъ; все старое, полузабытое воскресало: отроческія мечты, юношескія надежды, удачъ молодости, тюрьма и ссылка,—эти раннія несчастія, не оставившія никакой горечи на душѣ, пронесшіяся какъ вѣшнія грозы, освѣжая и укрѣпляли своими ударами молодую жизнь.”

Этотъ разъ я писалъ не для того, чтобы выиграть время—торопиться было некуда.

Когда я начиналъ новый трудъ, я совершенно не помнилъ о существованіи *Записокъ одного молодого человека*, и какъ-то случайно попалъ на нихъ въ British Museum'ъ, перебирая русскіе журналы. Я велѣлъ ихъ списать и перечиталъ. Чувство, возбужденное ими было странно: я такъ ощутительно увидѣлъ насколько я состарѣлся въ эти пятнадцать лѣтъ, что на первое время это потрясло меня. Я игралъ еще тогда жизнью и самимъ счастьемъ, какъ будто ему и конца не было. Тонъ *Записокъ одного молодого человека* до того былъ розенъ, что я не могъ ничего взять изъ нихъ; онѣ принадлежать молодому времени, онѣ должны остаться сами по себѣ. Ихъ утреннее освѣщеніе нейдетъ къ моему вечернему труду. Въ нихъ много истиннаго, но много также и шалости; сверхъ того на нихъ остался очевидный для меня слѣдъ Гейне, котораго я съ увлеченіемъ читалъ въ Вяткѣ. На *Быломъ и Думамъ* видны слѣды *жизни* и больше никакихъ слѣдовъ не видать.

Мой трудъ двигался медленно..... много надобно времени для того, чтобы *иная* была отстоялась въ прозрачную думу — неутѣшительную, грустную, но примиряющую пониманіемъ. Безъ этого можетъ быть искренность, но не можетъ быть *истины!*

Нѣсколько опытовъ мнѣ не удалась,—я ихъ бросилъ. Наконецъ перечитывая нынѣшнимъ лѣтомъ одному изъ друзей юности, мои послѣднія тетради, я самъ *узналъ знакомыя* черты, и остановился... трудъ мой былъ конченъ!

Очень можетъ быть, что я далеко перецѣнилъ его, что въ этихъ едва обозначенныхъ очеркахъ сжато такъ много, *только для меня одного*; можетъ я гораздо больше читаю, чѣмъ написано; сказанное будить во мнѣ сны, служить іероглифомъ, къ которому у меня есть ключъ. Можетъ я одишь слышу, какъ подъ этими строками бьются духи... можетъ, но оттого книга эта мнѣ не меньше дорога. Она долго замѣняла мнѣ и людей и утраченное. Пришло время и съ нею разстаться.

Все личное быстро осыпается, этому обвинянію надо покориться. Это не отчаяніе, не старчество, не холодъ и не равнодушіе; это—сѣдая юность, одна изъ формъ выздоровленія, или лучше, самый процессъ его. Человѣчески переживать инныя раны можно только этимъ путемъ.

Въ монахѣ, какихъ-бы лѣтъ онъ ни былъ, постоянно встрѣчается и старецъ и юноша. Онъ похоронами всего личнаго возвратился къ юности. Ему стало легко, широко..... иногда слишкомъ широко..... Дѣйствительно, человѣку бываетъ подчасъ пусто, сиротливо между безличными всеобщностями, историческими стихіями и образами будущаго, проходящими по ихъ поверхности, какъ облачныя тѣни. Но что-же изъ этого? Людямъ хотѣлось-бы все сохранить: и розы, и снѣгъ; имъ хотѣлось-бы, чтобъ около спѣлыхъ гроздьевъ винограда вились майскіе цвѣты! Монахи спасались отъ минутъ ропота молитвой. У насъ нѣтъ молитвы: у насъ есть *трудъ*.

Трудъ наша молитва. Быть можетъ, что *плодъ того и другого* будетъ одинакій, но на сію минуту не объ этомъ рѣчь.

Да, въ жизни есть пристрастіе къ возвращающемуся ритму, къ повторенію мотива ; кто не знаетъ, какъ старчество близко къ дѣтству ? Вглядитесь, и вы увидите, что по обѣ стороны полнаго разгара жизни, съ ея вѣнками изъ цвѣтовъ и терній, съ ея колыбелями и гробами, часто повторяются эпохи, сходныя въ главныхъ чертахъ. Чего юность еще не имѣла, то уже утрачено ; о чемъ юность мечтала, безъ личныхъ видовъ, выходитъ свѣтлѣе, спокойнѣе и также безъ личныхъ видовъ изъ за тучъ и зарева.

..... Когда я думаю о томъ, какъ мы двое теперь, подь *пятьдесятъ лѣтъ*, стоимъ за первымъ станкомъ русскаго вольнаго слова, мнѣ кажется, что наше ребячье *Грютли* на Воробьевыхъ горахъ было не *тридцать три* года тому назадъ—а много три !

Жизнь... жизни, народы, революціи, любимѣйшія головы возникали, мѣнялись и исчезали между Воробьевыми горами и Примрозъ-Гилемъ ; слѣдъ ихъ уже почти заметѣнъ безпощаднымъ вихремъ событій. Все измѣнилось вокругъ : Темза течетъ вмѣсто Москвы-рѣки и чужое племя около... и нѣтъ намъ больше дороги на родину..... одна мечта двухъ мальчиковъ одного 13 лѣтъ, другого 14—уцѣлѣла !

Пусть-же *Былое* и *Думы* заключать счетъ съ
личною жизнью и будутъ ея оглавленіемъ. Остат-
ныя *Думы*—на дѣло, остальные *Силы*—на борьбу.

Таковъ остался вашъ союзъ...

Опять одни мы въ грустный путь пойдемъ,

Объ истинѣ глася неутомимо—

И пусть мечты и люди идутъ мимо!

БЫЛОЕ И ДУМЫ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДЪТСКАЯ И УНИВЕРСИТЕТЪ.

(1812—1834).

Когда мы въ памяти своей
Проходимъ прежнюю дорогу,
Въ душѣ всѣ чувства прежнихъ дней
Вновь оживаютъ понемногу,
И грусть и радость тѣже въ ней,
И знаетъ ту-жъ она тревогу,
И такъ-же вновь тѣспится грудь,
И такъ-же хочется вздохнуть.

Н. ОГАРЕВЪ. (Юморъ)

